

Burmistrovič, Jurij Jakovlevič

**Почему, как и когда древнерусские палатализованные
согласные изменились в палатальные?**

Opera Slavica. 1998, vol. 8, iss. 2, pp. 1-13

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117068>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПОЧЕМУ, КАК И КОГДА ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ ИЗМЕНИЛИСЬ В ПАЛАТАЛЬНЫЕ?

Ю. Я. Бурмистрович (Абакан)

Замечательному лингвисту-слависту
Владимиру Константиновичу Журавлеву
к его 75-летию.

Если и не полностью, то почти полностью являются общепринятыми следующие научные положения:

1. Древнерусский язык унаследовал от праславянского два типа согласных фонем: а) непалатальные («твердые»), б) палатальные («мягкие»).

2. Первый тип фонем воплощался в двух видах звуков-аллофонов – в непалатальных («твердых») и в палатализованных («полумягких»), а второй тип фонем воплощался в одном виде звуков-аллофонов – в палатальных («мягких»).

3. Принадлежность непалатальных и палатализованных звуков одному типу фонем – непалатальных – связана с тем, что эти разные виды звуков не употреблялись в словах в одной и той же позиции и тем самым не противостояли друг другу: непалатальные употреблялись только перед гласными непереднего ряда, а палатализованные – только перед гласными переднего ряда. Принадлежность же палатальных звуков другому типу фонем – палатальных – и противопоставление их первому типу связаны с тем что, эти звуки, во-первых, употреблялись как перед гласными непереднего ряда (правда, не перед всеми: например, они не употреблялись перед гласными [ы], [ѣ], [о]), так и перед гласными переднего ряда (правда, не перед всеми: например, они не употреблялись перед гласным [ѣ]), а во-вторых, в связи с этим могли попадать в словах в ту же позицию, что и непалатальные и палатализованные, и тем самым противостоять двум последним.

4. Однако противопоставление палатальных согласных звуков непалатальным и палатализованным не было коррелятивным, т. е. только по одному признаку палатальности-непалатальности. Палатальные противопоставлялись всем остальным еще по месту образования: палатальные были среднеязычными, а непалатальные и палатализованные – несреднеязычными. Поэтому и категории палатальности-непалатальности как базирующейся лишь на коррелятивных оппозициях соответствующих звуков первоначально в древнерусском языке не было.

5. На определенном этапе развития древнерусской фонетической и фонематической подсистем консонантизма палатализованные согласные стали изменяться в палатальные, причем без перехода их в среднеязычные. Поэтому такое изменение в отличие от праславянских переходных палатаций можно назвать палатацией непереходной.

6. В конечном итоге эти новые, вторичные палатальные согласные в отличие от старых, первичных палатальных стали коррелятивно противопоставляться непалатальным, образовав совместно с ними серию коррелятивных оппозиций уже не только звуков, но и фонем и вместе с этим категорию палатальности-непалатальности, а старые, первичные палатальные согласные остались вне этой категории, за исключением лишь небольшой группы первичных палатальных, которые, перейдя из среднеязычных в переднеязычные, совпали с соответствующими вторичными палатальными (речь идет о звуках [н'], [л'], [р']).

7. Когда нужно конкретизировать, какие именно звуки (и соответствующие фонемы) были первичными палатальными, а какие вторичными палатальными, то отмечается, что к первичным палатальным относятся согласные звуки, восходящие к тем праславянским, которые представляют собой:

а) результаты 1-ой переходной палатации (не палатализации!) заднеязычных, т. е. шипящие рефлексy этого процесса;

б) результаты воздействия звука [j'] на различные согласные, которые в словах стояли перед ним, т. е. шипящие рефлексy этого процесса и рефлексy с так называемым эль эпентетикум ([л'] вставочным);

в) результаты изменения согласных, стоявших в словах перед дифтонгами ёџ и ѣџ, после монофтонгизации этих дифтонгов, т. е. шипящие рефлексy этого процесса и рефлексy с так называемым эль эпентетикум ([л'] вставочным).

Иногда сюда относят и результаты 1-ой переходной палатализации (не палатации!) заднеязычных, т. е. свистящие рефлексы этого процесса, считая, что эти свистящие были палатальными. Но это неточно, потому что они были палатализованными.

Ко вторичным же палатальным относятся согласные звуки, восходящие уже не к праславянским, а к древнерусским, которые представляют собой результаты первой и единственной непереходной палатации всех бывших палатализованных, т. е. нешипящие рефлексы этого процесса и рефлексы губных без зль эпентетикум. Если не считать того важного уточнения, что палатации и палатализации – это не одно и то же и что результаты их были весьма различными (палатации дали палатальные рефлексы, а палатализации – палатализованные), а также того уточнения, что первичные палатальные были среднеязычными¹, то все остальные из перечисленных научных положений являются действительно общепринятыми, вошедшими уже во все вузовские учебники, затрагивающие фонематическую историю древнерусского языка.

Однако наряду со всеми этими положениями в рассматриваемой теме о непереходном изменении древнерусских палатализованных согласных в палатальные есть вопросы, на которые или совсем нет никаких ответов, или ответы имеются, но весьма различные у разных авторов. Так, на вопросы, почему и как произошел указанный процесс, учебники ответов не дают вообще, а на вопрос, когда он произошел, ответы в учебниках даются, но с разбросом времени до трех-четырех веков. А между тем вопросы эти важны. И если мы хотим по-настоящему понять названный вопрос, то ответить на них необходимо.

Дальнейшее изложение и является попыткой дать и обосновать эти необходимые ответы.

Предпосылки рассматриваемого процесса скрываются еще в праславянском языке, который в поздний период своего развития стал нести в своей фонематической системе одно серьезное противоречие, разрешением которого в конечном итоге и стало произошедшее много позже, уже в древнерусском языке, непереходное изменение палатализованных согласных в палатальные. Это противоречие заключалось в несоответ-

¹ Отмеченные уточнения не новы (см., например: Чекман 1979, 54; Колесов 1980, 41), но в большинстве учебников они даже не упомянуты. Это можно объяснить не спорностью указанных уточнений, а тем, что важность их большинством авторов и до сих пор не осознана.

ствии количества тональных типов гласных фонем количеству тональных типов согласных фонем. Зародыш такого противоречия возник еще раньше, а именно в средний период существования праславянского языка, когда основными единицами его фонематического уровня были группофонемы – сочетания такого согласного и такого следующего за ним слогового гласного компонентов, которые были объединены общим признаком одинаковой тональности и в связи с этим лишь совместно выполняли фонемную, смысловозначительную, функцию (Журавлев 1961, 33–45; Журавлев 1966, 79–96). Существовало три тональных типа группофонем. Но прежде чем называть эти типы, отметим, что их удобнее всего обозначать именно тональными, т. е. акустическими, а не физиологическими терминами, потому что акустические термины позволяют объединять разные физиологически, но одинаковые акустически согласные и гласные компоненты, чего физиологические термины делать не позволяют. Переходя теперь к упомянутым трем тональным типам группофонем, отметим, что речь идет о группофонемах недиезных (CV), диезных (C'V) и нейтральных (C''V). В этих символах C означает «согласные» (от латинского *consonantes* с тем же значением) и V – «гласные» (от латинского *vocales* с тем же значением). Так как суть группофонемы – в одинаковой тональности составляющих ее компонентов, то и согласных, и гласных тональных типов было по три и соотношение их было одно-однозначным $(3 : 3) : \frac{C : C' : C''}{V : V : V}$. Но это соотношение, это полное соответствие между консонантными и вокальными тональными типами было лишь на реляционном уровне, на котором учитываются только реальные дифференциальные признаки звуков. На уровне же реляционно-физическом, на котором учитываются и интегральные (потенциальные дифференциальные) признаки звуков (см.: Журавлев 1967, 61), такого полного соответствия между консонантными и вокальными тональными типами не было. Дело в том, что если среди согласных каждый тональный тип был особым типом и физиологически (недиезные согласные были непалатализованными и непалатальными, «твердыми», диезные – палатализованными, «полумягкими», нейтральные – палатальными, «мягкими»), то среди гласных физиологически особыми типами были только два из трех тональных типов (недиезные гласные были непередними, диезные – передними). Что же касается гласных нейтральных, то они были таковыми лишь в том смысле, что употреблялись после нейтральных (палатальных согласных, а физиологически особыми они не

были, совпадая или с передними, или с задними гласными. Таким образом, на реляционно-физическом уровне соотношение между консонантными и вокальными тональными типами было неодно-однозначным $(3 : 2) : \frac{C:C:C}{V:V}$. Это было противоречием праславянской фонематической системы, которое делало эту систему недостаточно устойчивой. Но пока существовали группофонемы, это противоречие было терпимо, потому что фонемную функцию выполняли не отдельно согласные и гласные звуки, а их однотональные сочетания целиком, вследствие чего отсутствие физиологически особого нейтрального типа гласных в составе нейтральных группофонем компенсировалось наличием физиологически особого нейтрального типа согласных в составе этих группофонем. Однако когда в поздний период существования праславянского языка группофонемы разрушились, это противоречие перестало быть терпимым, потому что фонемную функцию стали выполнять отдельные согласные и гласные звуки, вследствие чего отсутствие физиологически особого нейтрального типа гласных уже не компенсировалось наличием физиологически особого нейтрального типа согласных: ведь они уже не были частями одной фонематической единицы.

Это противоречие могло быть разрешено разными способами:

1) соотношение $3 : 2$ могло измениться на симметричное, одно-однозначное $3 : 3$ или $2 : 2$;

2) соотношение $3 : 2$ могло сохраниться, но в таком случае должен был измениться характер сочетаемости согласных с гласными.

Когда система предоставляет возможность выбора одного пути разрешения противоречия из нескольких допустимых, язык обычно испытывает каждый из допустимых путей, но в конечном итоге наиболее подходящим представляется один из путей, и он-то оказывается избранным. Однако этот единственный путь в разных диалектах языка или в разных потомках языка может быть и не одним и тем же. Кроме того, нужно считаться с тем, что даже в одном диалекте или в одном потомке данного языка могут встретиться следы и других путей, которые первоначально испытывались языком, но потом особого развития не получили.

В полном соответствии с этим положением в древнерусском языке мы встречаем рефлексы не одного, а нескольких разных процессов, которые реализовывали разные пути разрешения указанного противоречия. Но, пожалуй, основным путем разрешения этого противоречия в древнерусском языке явился путь сокращения тональных типов согласных

фонем с трех до двух и тем самым приведение соотношения между консонантными типами к одно-однозначному 2 : 2.

Этот путь мы и рассмотрим. Два тональных типа согласных вместо трех могли получиться в результате конвергенции (слияния) двух из имевшихся трех типов в один. При этом в принципе была возможна конвергенция любых двух типов:

- 1) $C : C' : C'' \rightarrow (C \times C') : C'' \rightarrow C : C''$ или $C' : C''$;
- 2) $C : C' : C'' \rightarrow (C \times C'') : C' \rightarrow C : C'$ или $C' : C''$;
- 3) $C : C' : C'' \rightarrow (C' \times C'') : C \rightarrow C : C'$ или $C : C''$.

Таким образом, как мы видим, могли получиться следующие три результата: 1) $C : C''$; 2) $C : C'$; 3) $C' : C''$. Но какой из них мог быть наиболее вероятным? Если учесть, что древнерусский язык унаследовал от праславянского такую сочетаемость согласного и гласного звуков в словах, когда после дизяного согласного шел только дизяный гласный, а после недизяного согласного шел только недизяный гласный, т. е. если учесть, что дизяный и недизяный согласный звуки не встречались в одной позиции, то понятно, что дизяные и недизяные согласные звуки древнерусского языка не могли быть аллофонами-представителями двух разных тональных типов согласных фонем – соответственно дизяного и недизяного (ср: Трубецкой 1960, 56–57). Они были аллофонами одного типа фонем. Но какого? В принципе, очевидно, безразлично, как его назвать – дизяным или недизяным. Но чтобы это название было более объективным, нужно учесть, нейтрализовались ли оппозиции дизяного и недизяного аллофонов разных согласных фонем в какой-нибудь позиции и если да, то в пользу какого аллофона шло изменение звуков. Дело в том, что если в какой-то позиции происходит нейтрализация (утрата) оппозиции аллофонов одной фонемы, то эти аллофоны обычно оказываются неравноправными. Тот же аллофон, который воплощает собой фонему и в позиции различения, и в позиции нейтрализации, оказывается более частотным, более обычным в речи и из-за своей большей общности более заметным. Его называют еще немаркированным (как бы не наделенным никаким особым знаком, метой, а потому не выделяющимся). Тот же аллофон, который воплощает собой фонему только в позиции различения, а в позиции нейтрализации не встречается, оказывается менее частотным, менее обычным в речи и из-за своей меньшей общности менее заметным. Его называют еще маркированным (как бы наделенным

каким-то особым знаком, метой, а потому выделяющимся). Фонему называют по маркированному аллофону.

В случае с древнерусскими диззными и недиззными согласными как аллофонами одного тонального типа фонем немаркированными были диззные аллофоны, так как позиция перед диззными гласными, в которой они встречались, могла быть и позицией различения (дат-и : д·ѣт-и), и позицией нейтрализации (ладъ : о лад·ѣ и гвоз-дъ : о гвоз-д·и²) – как мы видим, нейтрализация оппозиции диззных и недиззных аллофонов согласной фонемы вела к изменению звуков в пользу диззного, – а маркированными были недиззные аллофоны, так как позиция перед недиззными гласными, в которой они встречались, могла быть только позицией различения (по крайней мере, в парадигмах склонений и спряжений). По маркированным недиззным аллофонам согласные фонемы древнерусского языка, которые в разных позициях воплощались то в диззных, то в недиззных аллофонах, более объективно считать и называть недиззными. В связи с этим можно утверждать, что из трех возможных результатов указанных выше конвергенций в древнерусском языке реализовалась оппозиция фонем С : С', а количество тональных консонантных типов на реляционном уровне стало, таким образом, равно двум.

Но после того, как утратились или, как чаще говорят, пали гласные верхнесреднего подъема (ъ) и (ь) и, в частности, конечные (ъ) и (ь), а их недиззность и диззность сохранилась у предшествовавших им в словах согласных, эти недиззные и диззные согласные, оказавшись в одной позиции и противопоставляясь друг другу, стали самостоятельно различать звуковые оболочки, а вслед за ними и смыслы словоформ и, следовательно, представлять в речи разные фонемы (ср.: ось : ось → ос : ос·). Таким образом, появилась еще одна оппозиция согласных фонем по тональности: С : С', а значит, количество тональных консонантных типов на реляционном уровне вновь стало равно трем, что возвратило и прежнее противоречие.

С целью все-таки ликвидировать его произошла новая конвергенция тональных типов согласных фонем: С' × С' → С'. Особенностью этой конвергенции явилось то, что диззность (палатализованность) согласных

² Так как словоформы даны здесь в фонетической транскрипции, то букву ѣ здесь было бы лучше заменить другой, более точно обозначающей звук, но так как этот звук понимают по-разному (то [ʒ], то [iʒ]), то мы решили и в транскрипции оставить букву ѣ.

стала изменяться в сторону нейтральности (палатальности) без изменения переднеязычных в шипящие, а губных в сочетания с компонентом [л'], т. е. их палатация не стала, как в праславянские времена, переходной.

Проще всего и раньше всего конвергенция типа $C' \times C' \rightarrow C'$ произошла в группе переднеязычных сонорных согласных: $\langle n' \rangle \times \langle n' \rangle \rightarrow \langle n' \rangle$, $\langle l' \rangle \times \langle l' \rangle \rightarrow \langle l' \rangle$, $\langle r' \rangle \times \langle r' \rangle \rightarrow \langle r' \rangle$. Простота, легкость этих конвергенций была обусловлена тем, что палатализованные и палатальные звуки внутри каждой из этих пар сонорных согласных были весьма близки друг другу. Сложнее и несколько позже конвергенция типа $C' \times C' \rightarrow C'$ произошла в других группах согласных, а именно в группе согласных несонорных и в группе согласных сонорных, но не переднеязычных, а губных, – сложнее потому, что палатализованные и палатальные звуки внутри каждой из пар таких согласных были весьма неблизки друг другу. Конвергенции указанного типа в группах этих согласных можно представить следующим образом: $\langle b' \rangle \times \langle b'l' \rangle \rightarrow \langle b' \rangle$, $\langle p' \rangle \times \langle p'l' \rangle \rightarrow \langle p' \rangle$, $\langle v' \rangle \times \langle v'l' \rangle \rightarrow \langle v' \rangle$, $\langle m' \rangle \times \langle m'l' \rangle \rightarrow \langle m' \rangle$, $\langle d' \rangle \times \langle d'j' \rangle \rightarrow \langle d' \rangle$, $\langle t' \rangle \times \langle t'j' \rangle \rightarrow \langle t' \rangle$, $\langle z' \rangle \times \langle z'j' \rangle \rightarrow \langle z' \rangle$, $\langle s' \rangle \times \langle s'h' \rangle \rightarrow \langle s' \rangle$, $\langle c' \rangle \times \langle c'j' \rangle \rightarrow \langle c' \rangle$ (заднеязычных это не коснулось, потому что диезных (палатализованных) заднеязычных в это время уже не было: те заднеязычные, которые в свое время подверглись непременной палатализации (не палатации!), после разрушения группофонем конвергировали с недиезными (непалатализованными и непалатальными) заднеязычными в пользу недиезных: $\langle g' \rangle \times \langle g' \rangle \rightarrow \langle g' \rangle$, $\langle k' \rangle \times \langle k' \rangle \rightarrow \langle k' \rangle$, $\langle x' \rangle \times \langle x' \rangle \rightarrow \langle x' \rangle$).

Обычно результатом конвергенции двух фонем является поглощение одной фонемы другой фонемой, что означает также сохранение в языке одной фонемы не только самой по себе, но и за счет той, с которой она конвергировала. Однако, хотя и реже, бывают случаи, когда результатом конвергенции двух фонем оказывается появление новой фонемы, которая может взять себе не все, а лишь какие-то признаки одной, или другой, или и одной, и другой из конвергируемых фонем, но полностью не совпадает ни с первой, ни со второй из них. Это не означает, что при такой конвергенции из языка исчезают обе конвергировавшие фонемы и в язык входит лишь та новая фонема, которая является их произведением. Нет, при такой конвергенции из языка обычно исчезает лишь одна из конвергировавших фонем, а другая сохраняется, занимая в языке место наряду с новой, в рождении которой она участвовала. Так, например,

в украинском языке довольно рано произошла следующая конвергенция: ⟨ѣ⟩ × ⟨о⟩ → ⟨и⟩ под фонемой ⟨ѣ⟩ мы понимаем ту фонему, которая в древнерусском письме обозначалась буквой ѣ, под фонемой ⟨я⟩ – ту фонему, которая в современном украинском письме обозначается буквой і; ср.: др.-русск. лѣсъ : волѣ – укр. ліс : віл. Однако если фонема ⟨ѣ⟩ из украинского языка или, по крайней мере, из диалекта, легшего в основу украинского литературного языка исчезла, то фонема ⟨о⟩ сохранилась, употребляясь в других позициях (ср. формы именительного падежа множественного числа тех же украинских слов: лісі : волі).

Древнерусские конвергенции типа ⟨б⟩ × ⟨б'л'⟩ → ⟨б'⟩, ⟨з'⟩ × ⟨ж'⟩ → ⟨з'⟩ и т. п. аналогичны этой украинской конвергенции по своим последствиям. В результате отмеченных конвергенций из древнерусского языка исчезли все палатализованные фонемы, а большинство старых палатальных сохранилось. Новые же палатальные, получившиеся в результате этих конвергенций, поглотили своих палатализованных «родителей» и теперь вместо них стали противопоставляться непалатализованным (недизным), которым теперь в артикуляционных терминах лучше именовать только непалатальными. В связи с появлением новых палатальных фонем ⟨б'⟩, ⟨в'⟩, ⟨п'⟩, ⟨м'⟩, ⟨л'⟩ старые палатальные фонемы ⟨б'л'⟩, ⟨в'л'⟩, ⟨п'л'⟩, ⟨м'л'⟩, превратились в сочетания полноценных самостоятельных палатальных фонем ⟨б'⟩ + ⟨л'⟩, ⟨в'⟩ + ⟨л'⟩ и т. д. Появление новых палатальных согласных фонем, заменивших собою старые палатализованные согласные фонемы и вступивших в коррелятивные оппозиции со старыми непалатализованными согласными фонемами, породило и новую специфическую корреляцию, т. е. целую серию коррелятивных оппозиций, построенную на противопоставлении палатальности и непалатальности, и новую категорию палатальности-непалатальности в подсистеме согласных фонем.

В связи с этим возникает и интересный, и важный вопрос, как к этой корреляции и к этой категории стали относиться первичные палатальные ⟨ж'⟩, ⟨ч'⟩, ⟨ш'⟩, а также исконно палатальная ⟨ј'⟩. В указанную корреляцию по признаку палатальности-непалатальности эти фонемы входить не стали. Почему? Потому что непалатальных коррелятивных оппозитивов у этих фонем в древнерусском языке не было. К этой же группе нужно отнести и новую, вторичную палатальную фонему ⟨ц'⟩, потому что и у нее оппозиита, который отличался бы от нее только непалатальностью, не было. Эти фонемы противопоставлялись непалатальной фонеме не только

своей палатальностью, но и обязательно еще каким-нибудь признаком (например, среднеязычностью, шипящестью или аффрикативностью). Вследствие отсутствия у данных фонем непалатальных коррелятивных оппозитивов они в одинаковой мере могли противопоставляться и непалатальным, и палатальным, например: б'ич' : б'ит' и б'ич' : б'ит'. Из-за этого в последующем они (кроме ⟨j'⟩) могли совершенно спокойно и сохранять, и терять свою палатальность. Как мы знаем, в современном русском литературном языке фонемы ⟨ж⟩, ⟨ш⟩, ⟨ц⟩ воплощаются в непалатальных звуках, а фонема ⟨ч'⟩ – в палатальном, но так как у всех этих фонем нет и сегодня тональных коррелятивных оппозитивов, то они и сегодня стоят вне корреляции по признаку палатальности-непалатальности.

Таким образом, категория палатальности-непалатальности в древнерусском консонантизме родилась из противопоставления бывших дизонных (палатализованных) и недизонных (непалатализованных) согласных фонем, а бывшие нейтральные (исконно палатальные), за исключением переднеязычных сонорных, сыграли в этом процессе только косвенную роль, передав бывшим дизонным при конвергенции с ними только свою нейтральность (палатальность) и ничего больше. Вот почему бывшие дизонные, конвергировав с бывшими нейтральными и став в результате этого нейтральными, в среднеязычные тем не менее не перешли, а остались по признаку места образования теми, что и были, – губными и переднеязычными. Более того, и старые нейтральные, кроме йота, который по природе является среднеязычным и только среднеязычным, не без влияния новых палатальных передвинулись в переднеязычные.

Когда же произошел переход палатализованных согласных в палатальные и когда в консонантизме родилась категория палатальности-непалатальности?

Историки древнерусского языка давно заметили, что уже в самых ранних XI–XII веков памятниках письменности этого языка палатальные согласные обозначались нередко не только соответствующими буквами, но и дополнительными к этим буквам знаками – йотом, крюком, каморой. Так как такими знаками обозначались не только первичные палатальные, как, например, в слове шюмъ, но и вторичные палатальные, как, например, в словах пакнити, иконѣ, нынѣ, то делался естественный вывод, что не позже первой половины XI в. изменение палатализованных в палатальные уже произошло (Голяшенко 1987, 187), а так как такой важнейший для древнерусского языка процесс, как падение гласных верхне-

среднего подъема (ъ) и (ь), относят к более позднему времени (во всяком случае, он в древнерусском языке в XI в. явно еще не закончился), то делается и такой естественный вывод, что изменение палатализованных в палатальные произошло до падения еров. Но значит ли это, что и рождение категории палатальности-непалатальности, начало которому было положено указанным изменением, произошло тоже до падения еров? Ответы на этот вопрос противоречивы.

Отнесение изменения палатализованных в палатальные к достаточно раннему времени, даже к дописьменному и в любом случае до середины XI в., представляется вполне справедливым: ведь указанное выше противоречие в соотношении консонантных и вокальных тональных типов шло еще от праславянских времен, и среди возможностей ликвидации его и, в частности, приведения консонантных тональных типов к виду $C : C'$ наряду с конвергенцией $C \times C' \rightarrow C$, которая давала соотношение $C : C'$, могла быть и конвергенция $C' \times C' \rightarrow C'$, которая, во-первых, могла давать непреходный палатальный вариант на месте бывшего палатализованного, а во-вторых, также давала соотношение $C : C'$. Однако вполне очевидно, что этот процесс шел сначала на уровне звуков-аллофонов, а фонемизироваться новые палатальные могли лишь тогда, когда попали в абсолютно сильную по признаку палатальности-непалатальности позицию, в ту позицию, где свою палатальность они могли проявить наиболее самостоятельно. Такой позицией стал конец слова после того, как пал конечный гласный переднего ряда [ь]. Следовательно, дело со сроками изменения палатализованных в палатальные и рождения категории палатальности-непалатальности реалистичнее всего можно представить так. Переход палатализованных в палатальные стал осуществляться вскоре после распада праславянского языка, но сначала только на уровне звуков-аллофонов, т. е. без перехода их под «юрисдикцию» и фонем палатальных, и довольно спорадически (к тому же в разных диалектах древнерусского языка с разной скоростью). А фонемизация таких новых палатальных и вместе с ней рождение категории палатальности-непалатальности осуществились гораздо позже, а именно после падения гласных фонем верхнесреднего подъема (ъ) и (ь). Нужно только иметь в виду, что падение еров в древнерусском языке началось не так поздно, как об этом часто говорят, а, видимо, лишь немного позже, чем в старославянском, скорее всего с начала XI в. (Хабургаев 1976, 397–406), но в отличие от того, как это прошло в старославянском языке, древнерусский процесс падения еров растянулся по времени, переходя

постепенно от одной территории к другой. Таким образом, если изменение палатализованных в палатальные как звуков длилось несколько веков, возможно, VIII–XI вв. (Русинов 1966), то и фонемизация новых палатальных, если иметь в виду весь древнерусский язык, прошла тоже небыстро и заняла, очевидно, более века (XI–XII вв.).

В заключение одно замечание о терминах. Иногда из-за непереходного характера новых палатальных их даже в учебниках по современному русскому языку называют палатализованными и соответствующую категорию категорией палатализованности-непалатализованности (например: Шанский, Иванов 1981, 112). Но думется, что это неточно, ибо синтагматическое поведение всех палатальных – и старых, и новых – одинаково. Например, несмотря на то, что предударный гласный в таких современных русских словах, как [j'и³дá], [ч'и³бр'эц], [б'и³дá], [д'и³лá], [р'и³кá] и т. п., идет за различными по происхождению палатальными согласными, он по качеству совершенно один и тот же³.

Литература:

- ГОЛЫШЕНКО, В. С.: Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв., Москва 1987.
- ЖУРАВЛЕВ, В. К.: Формирование группового сингармонизма в праславянском языке. Вопросы языкознания, Москва 1961, № 4, 33–45.
- ЖУРАВЛЕВ, В. К.: Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка. Исследования по фонологии, Москва 1966, 79–96.
- ЖУРАВЛЕВ, В. К.: Замечания об уровнях в фонологии. Уровни языка и их взаимодействие, Москва 1967, 61–62.
- ЖУРАВЛЕВ, В. К., Бурмистрович, Ю.Я.: Об одном из путей установления одно-однозначного соотношения по тональности между согласными и гласными звуками в праславянском языке позднего

³ Высказанные здесь идеи впервые были обнародованы в статье: (Журавлев, Бурмистрович 1995, 33–36), но там главное внимание было обращено на вопрос о причине рассмотренного процесса, а все другое осталось в тени. В настоящей же статье освещение получают и другие вопросы, особенно о механизме процесса, а также о различии фонетического и фонематического результатов его.

периода и в его ближайших потомках. Актуальные проблемы подготовки специалиста в педагогическом вузе: Материалы 2-ых республиканских катановских чтений, том 2, Абакан 1995, 33–36.

КОЛЕСОВ, В. В. Историческая фонетика русского языка, Москва 1980.

РУСИНОВ, Н. Д.: О времени смягчения древнерусских полумягких согласных, Горький 1966.

ТРУБЕЦКОЙ, Н. С.: Основы фонологии, Москва 1960.

ХАБУРГАЕВ, Г. А.: Еще раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке (в связи с вопросом о соотношении книжно-письменной и диалектной речи). Лингвистическая география, диалектология и история языка, Ереван 1976, 397–406.

ЧЕКМАН, В. Н.: Исследования по исторической фонетике праславянского языка, Минск 1979.

ШАНСКИЙ, Н. М., ИВАНОВ, В. В.: Современный русский язык, в 3-х ч., часть I: Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография, Москва 1981.